

**Ежегодник
финно-угорских
исследований '07**

**Ижевск
2008**

УДК 39(=945)
ББК 63.521(=660)я53
Е361

**Е361 Ежегодник финно-угорских исследований '07/ Науч. ред. Н.И. Леонов;
сост. и ред. А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черашняя. —
Ижевск: Удмуртский государственный университет; ERGO, 2008. — 315 с.**

Настоящим изданием открывается публикация материалов, посвященных изучению, разработке и внедрению в общественную практику современных гуманитарных технологий, направленных на социально-экономическое, духовно-нравственное и культурное воспроизводство финно-угорского этноса и его жизненного пространства.

Издание адресовано специалистам в области финно-угроведения, шире — культурологам, а также всем интересующимся своеобразием и судьбами финно-угорского мира.

ISBN-10: 5-98904-036-9
ISBN-13: 978-5-98904-036-0

© ООО Издательский дом «ERGO», 2008
© Удмуртский государственный университет, 2008
© А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова - составление, 2008

О ЗАЩИТЕ Л.Д. МАКАРОВЫМ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ «ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИКАМЬЯ В X—XV ВЕКАХ»

Данная защита вызвала живейший интерес историков и археологов Волго-Уральского региона, что было связано во многом со слабой изученностью проблем славяно-русской колонизации рассматриваемой территории. В процессе защиты возникла весьма оживленная дискуссия, показавшая всю остроту поставленных диссертантом позиций, вплоть до расстановки политических акцентов. Считаем важным осветить процесс обсуждения этой работы в печати, ибо актуальность темы не вызывает никаких сомнений. Поскольку объем документов по дискуссии значителен, публикуется лишь некоторая их часть, в том числе: 1) доклад Л.Д. Макарова; 2) отзыв ведущего учреждения и ответы на его замечания; 3) справка диссертационного совета. При этом из текстов изъяты отдельные неудачные или малозначительные фрагменты, произведены некоторые стилистические и грамматические правки.

1) Доклад Л.Д. МАКАРОВА на защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «Древнерусское население Прикамья в X—XV веках».

Уважаемый председатель диссертационного совета, уважаемые члены совета и все присутствующие!

Вашему вниманию представляется доклад по диссертационному исследованию, связанному с изучением особенностей заселения и освоения районов Прикамья древнерусским населением в X—XV веках по данным археологических и письменных источников.

В исследуемый период территория бассейна р. Камы являлась ареной столкновения интересов двух крупнейших государств Восточной Европы — Древней Руси и Волжско-Камской Болгарии, местом встречи двух миров — Востока и Запада, двух мировых религий — христианства и ислама.

Прикамье было населено тремя крупными этническими массивами — пермскими, уторскими и тюркскими народами. В первой половине II тысячелетия нашей эры оно стало одним из тех регионов, куда мигрировали выходцы из Древней Руси. Расселение древнерусского населения на Восток является важной особенностью российской цивилизации, ярко отразившейся на истории страны.

Под влиянием Руси и Волжской Болгарии в жизни народов Прикамья происходили исключительно крупные перемены в социально-экономической и политической сферах. Эти процессы уже давно стали предметом пристального внимания исследователей. В то же время древнерусский этнокультурный компонент по ряду причин вплоть до настоящего времени исследован крайне слабо, несмотря на то, что его роль на фоне глобальных для региона событий является существенной и общепризнанной.

Накопление археологических материалов позволило в значительной мере исследовать малоизученные вопросы, связанные с древней экономикой, этнической историей и духовной культурой древнерусского населения Прикамья.

Степень изученности древнерусских памятников исследуемой территории различается по отдельным районам. По Нижнему Прикамью в ходе многолетних раскопок накоплен большой материал, полученный А.П. Смирновым, Н.Ф. Калинин, Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казаковым, Е.А. Беговатовым, Ф.Ш. Хузиным, С.И. Валиулиной, Н.А. Кокориной, Н.А. Руденко и некоторыми другими исследователями. В 1993 году он был большей частью

обобщен М.Д. Полубояриновой. В настоящее время количество памятников с древнерусскими находками увеличилось и достигло 86-ти.

Материалы Вятской земли были впервые получены А.А. Спицыным и Н.Г. Первухиным. Большой вклад в исследование древнерусских памятников внесен Л.П. Гуссаковским. С 1973 года археологическое исследование вятских древностей стало одним из приоритетных направлений КВАЭ под руководством Р.Д. Голдиной. Ей же принадлежала идея выделения русского этнокультурного компонента среди материалов, полученных в ходе раскопок. С этого времени нами проведены исследования большинства из 54-х известных памятников с древнерусскими находками.

Интересующие нас артефакты бассейна р.Чепцы впервые собраны Н.Г. Первухиным, А.А. Спицыным, В.Ф. Генингом. В настоящее время в археологическое исследование чепецких древностей наибольший вклад вносит археологическая экспедиция ИИЯЛ УрО РАН. Основной материал исследуемого периода получен и опубликован М.Г. Ивановой и А.Г. Ивановым. Всего на территории чепецкой культуры и примыкающих к ней верховьев р. Вятки известно 29 памятников с древнерусскими находками.

Древнерусские находки Верхнего Прикамья впервые получили известность по публикации А.А. Спицыным коллекции Теплоуховых. Большой вклад в археологическое изучение древнерусских материалов внесли О.Н. Бадер, В.А. Оборин, их ученики А.Ф. Мельничук, А.М. Белавин, Г.П. Головачанский и другие. Находки в верховьях Камы были опубликованы Р.Д. Голдиной и В.А. Кананиным. Всего в Верхнем Прикамье насчитывается 80 памятников с аналогичными предметами.

В последние годы к известным с дореволюционных времен находкам в юго-восточных районах Прикамья стали добавляться славяно-русские древности из современных раскопок. Их наличие известно сейчас на 44-х памятниках. Так, в Среднем Прикамье они выявлены в раскопках В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной, Л.И. Ашихминой, Е.П. Казакова, Т.И. Останиной, Г.Н. Журавлевой, Т.К. Ютиной, И.Г. Шапран, Е.М. Черных и других исследователей. В бассейне р.Сылвы древнерусские предметы обнаружены в сборах и раскопках В.Ф. Генинга, В.А. Оборина, Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолага, И.Ю. Пастушенко, С.Р. Волкова. В бассейне р.Белой такие находки известны еще из раскопок Ф.Д. Нефедова и В.В. Гольмстен, а во второй половине XX века получены в ходе исследований Н.А. Мажитова, Ю.А. Морозова, М.Ф. Обыденнова, А.И. Лебедева, Г.Н. Гарустовича.

Таким образом, количество собранного древнерусского материала оказалось весьма значительным. Были сделаны попытки его обобщения по отдельным районам Прикамья, однако целенаправленного исследования этих древностей в целом по региону не проводилось.

Первые попытки такого рода были предприняты автором в 1997 и 2001 годах. Тогда же был поставлен еще ряд вопросов и намечены пути их решения. Были выдвинуты задачи, связанные с анализом источников по отдельным районам Прикамья и обобщением этих данных для выявления особенностей, динамики и характера процессов расселения выходцев из Древней Руси, описания их хозяйственно-бытового уклада, других аспектов жизнедеятельности и взаимоотношений с местным населением в X—XV веках.

В моем распоряжении оказался действительно солидный корпус источников, основой которого стали археологические материалы. Прежде всего это результаты собственных полевых исследований на Вятке и в Среднем Прикамье, начиная с 1976 года, часть которых была опубликована. В процессе разработки темы проанализированы материалы и других районов бассейна р. Камы. Были изучены архивы и археологические коллекции высших учебных заведений, музеев, академических и научно-исследовательских институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Сарапула, Кирова, Слободского, Котельнича, Перми, Кудымкара, Уфы, Казани, Йошкар-Олы, отдельных школьных музеев и частных коллекций. Большая часть этих материалов впервые введена в научный оборот. Активно использовались и опубликованные данные исследователей славяно-русских древностей. В общей сложности

были учтены материалы 293-х памятников бассейна р. Камы в хронологических границах X—XV веков.

Кроме археологических материалов в исследование были включены многочисленные письменные источники: русские летописи, актовые и другие юридические документы, переписные материалы, местные исторические и агиографические произведения, а также сочинения и карты восточных и западноевропейских авторов. Разработки специалистов позволили включить в исследование данные языкознания, фольклористики, этнографии, нумизматики, антропологии, остеологии, палеоботаники, металлографии.

Методологическая основа исследования базируется на комплексном подходе, который включает в себя: 1) использование массового материала с последующей его систематизацией; 2) всесторонний охват памятников различных категорий; 3) привлечение данных других наук. Для решения конкретных задач применялись различные методы, в частности текстологический анализ письменных источников; формально-типологический, сравнительный, картографический, статистический, территориальный в обработке данных археологии. Совершенно очевидно, что история заселения одной из важнейших областей Русского государства — Прикамья — заслуживает самого пристального внимания и всестороннего изучения всеми возможными методами. Их использование позволило провести глубокое, всестороннее исследование и получить следующие результаты.

1. Изучение археологических источников Нижнего Прикамья первой половины II тыс. н. э. (территория Волжской Болгарии) позволило выявить из числа собственно болгарских две группы древностей, относящихся к категории древнерусских. Первая была оставлена непосредственно древнерусскими поселенцами: жилища, хозяйственные и производственные постройки, сопровождавшиеся древнерусскими находками, имеющими этнические и конфессиональные отличия — керамика, языческие и православные изделия, атрибуты церковного убранства, славянские племенные и социально престижные украшения, традиционные бытовые предметы. Вторая группа попала на территорию Нижнего Прикамья как результат торговых операций либо боевых действий между Волжской Болгарией и Русским государством. Отмечу, что грань между этими группами может быть довольно размытой.

Письменные источники подтверждаются археологическими данными, свидетельствующими о проживании или временном пребывании на территории Нижнего Прикамья выходцев из Древней Руси в X—XI веках. По арабским источникам, это купцы-русы и рабы-славяне. Материалы раскопок позволяют говорить о присутствии и других категорий древнерусских людей — торгово-ремесленного и крестьянского населения, выходцев преимущественно из Южной Руси, связанной с этим регионом хозяйственными и этнокультурными нитями.

В XI—XIII веках сюда устремляется бежавшее от христианизации славяно-финское крестьянское население Волго-Окского междуречья, о чем сообщает «Казанский летописец» и что подтверждается археологическими материалами могильников и поселений. В конце XIII—XIV века состав древнерусского населения пополняется ремесленниками, жилища и мастерские которых выявлены в ходе раскопок Болгара, Биляра и неукрепленных поселений. Таким образом, в Нижнем Прикамье прослеживается процесс перехода от военно-религиозных причин появления древнерусских людей в регионе к экономическим. Концентрация древнерусских находок в западной части Нижнего Прикамья позволила выделить памятники этой части Волжской Болгарии в особый район.

2. Начало заселения Вятского бассейна увязывается с данными «Повести о стране Вятской», которые находят подтверждение в русском и удмуртском фольклоре, в археологических наблюдениях. Ранние датировки «Повести» сопоставляются с древнейшим археологическим материалом, хотя на сегодняшний день его не так много. Примером является выявленный А.П. Гуссаковским закрытый комплекс ямы «К» с древнерусскими находками XII—XIII веков на Никульчинском городище, а также древнейшие находки в хронологической шкале Хлынова, не раз публиковавшиеся мною по результатам раскопок. Письменные и фольклорные источники повествуют о конфронтации пришельцев из Древней Руси с мест-

ными жителями на начальном этапе колонизации. Однако очевидно, что достаточно быстро на Средней Вятке возникают полиэтнические общины, число которых, по «Повести» и археологическим данным, достигает четырех. Признаком постепенного смешения этнокультурных групп вятского населения является славяно-финно-пермская керамика, обнаруженная не только на сельских, но и на городских поселениях. К XIV веку общины объединяются в вятское вечевое государственное образование «Вятская земля», существовавшее до 1489 года. Предполагается, что элита аборигенного населения участвовала в органах управления этого народоправства.

Древнерусский компонент выявлен и на памятниках чепецкой культуры X—XIII веков, о чем свидетельствуют найденные в домонгольских слоях славяно-русская и славяно-финно-пермская группы керамики и отдельные культовые славянские вещи.

3. Заселение Верхнего Прикамья началось в XIII веке миграцией древнерусского и коми-зырянского населения, что убедительно подтверждается археологическими данными: керамическими и вещевыми комплексами. На этой территории, очевидно платившей дань Новгороду, уже в конце XIV века, судя по летописным сведениям, формировалось государственное образование «Пермь Великая» и возникли первые города со смешанным населением. В 1451 году она перешла под контроль Москвы, инициировавшей вокняжение в Чердыни династии великопермских удельных князей, происхождение которых остается дискуссионным.

4. Юго-восточные районы Прикамья заселялись выходцами из разных земель и в разное время. Анализ керамического комплекса позволяет говорить о том, что в Среднее Прикамье шел приток небольших общин переселенцев из бассейна Вятки и Нижнего Прикамья в XIII—XV веках, позднее — из Верхнего Прикамья. Бассейн р. Сылвы осваивался населением Верхнего Прикамья с конца XIII—начала XIV века. Появление русского населения в бассейне р. Белой относится к XIV—XV векам.

5. Древнерусское население составило достаточно заметный компонент жителей Прикамья. Степень его участия в происходивших здесь процессах в разных районах исследуемого региона была разной. Одна его часть была включена в систему подневольного труда, другая относилась к рядовым представителям торгово-ремесленного и земледельческого населения Волжской Болгарии. Не исключено проживание здесь и достаточно состоятельного купеческого («купцы-русы») и ремесленного (мастера по обработке янтаря) слоев населения, а также дипломатических представительств (вспомним находки актовых печатей).

На Средней Вятке и в Верхнем Прикамье пришельцы из Древней Руси наряду с местной знатью инициировали создание государственных образований.

Юго-восточные районы бассейна р. Камы, как и внутреннее пространство Камско-Вятского междуречья, осваивались, по-видимому, рядовыми русскими общинниками, судя по традиционным находкам крестьянского характера.

Таким образом, древнерусское население Прикамья — равноправный участник исторических процессов, происходивших в регионе в X—XV веках. Достаточно мирный, толерантный характер взаимоотношений различных культур и верований в регионе обусловлен экономическими факторами, прежде всего близостью хозяйственного уклада и взаимовыгодной торговли, что подтверждается комплексом археологических источников.

В ходе работы над диссертацией был собран и проанализирован достаточно большой массив предметов материальной культуры, оставленной древнерусским населением Прикамья. В результате появился первый свод вещественных источников по средневековой истории населения этого обширного региона. С одной стороны, он позволил решить поставленные в диссертации задачи, а с другой — выявил новые вопросы и проблемы. Тема еще далеко не исчерпала своих возможностей и послужит основой множества научных дискуссий в будущем.

Спасибо за внимание.

2) Отзыв ведущего учреждения — Пермский государственный университет

Диссертационная работа Л.Д. Макарова посвящена изучению исторических процессов, протекавших на восточной окраине Европы в эпоху раннего и позднего средневековья. Они были обусловлены первоначально торговыми и военными взаимоотношениями населения Древней Руси с финно-угорскими и тюркскими народами Прикамья, а в послемонгольское время — движением групп славяно-русского населения в бассейн р. Камы из северо-восточных княжеств Удельной Руси.

К настоящему времени благодаря исследованиям многих поколений археологов накоплен значительный фонд источников, которые характеризуют славяно-русские археологические материалы Прикамья по различным регионам. Эти материалы давно требовали серьезного осмысления и обобщения, с тем чтобы раскрыть картину сложных и достаточно противоречивых процессов расселения славяно-русского населения в обширных областях Прикамья при комплексном анализе археологических источников вкпе с письменными источниками.

Л.Д. Макаров почти 30 лет активно исследует русские средневековые памятники Прикамья, и им самим выявлен и изучен целый ряд ярких источников по этому недостаточно изученному научному направлению в археологии Прикамья. В своей работе исследователь опирается на огромную источниковедческую базу, анализируя археологические материалы Волжской Болгарии, Вятской земли, Верхнего Прикамья и бассейна р. Сылвы. Целью работы является анализ особенностей процессов расселения выходцев из северо-восточных районов Руси и уклада жизни пришлого славяно-русского населения в разных областях Прикамья в пределах широкого хронологического диапазона X—XV веков. Л.Д. Макаров для успешного решения поставленных задач использует комплексный подход в изучении источников с привлечением не только археологических материалов, которые, конечно же, являются базовыми, но и данных других гуманитарных и естественных наук.

Диссертация состоит из следующих частей: а) введение; б) первая глава, в которой отражен анализ древнерусских комплексов в материалах памятников археологии Нижнего Прикамья (Волжская Болгария); в) вторая глава, в которой рассматриваются материалы археологических памятников Вятской Земли; г) третья глава, где анализируются археологические средневековые памятники Верхнего Прикамья, обладающие выразительными славяно-русскими комплексами; д) четвертая глава посвящена исследованию средневековых русских материалов Юго-Восточного Прикамья (бассейн р. Белой и Сылвы)*; е) заключение, в котором подведены итоги исследования расселения, особенностей уклада и материальной культуры средневекового русского населения в Прикамье. Диссертация снабжена приложением в виде объемного иллюстративного материала.

Во введении автор определяет цель своего исследования, раскрывает его методическую базу и анализирует работы многочисленных исследователей, которые специально занимались средневековыми русскими материалами или обращались к ним в контексте своих исследований по археологии и истории Прикамья. Однако нам представляется, что термин «древнерусское население» Прикамья, который включен в тему диссертации, не совсем корректен, так как в послемонгольское время Древней Руси как единого культурного и этнического пространства уже не существовало. Если в культурологическом плане мы можем говорить о древнерусском искусстве XIV—XV веков, то о древнерусском населении Северо-Восточной Руси и Великого Новгорода в удельный период — вряд ли приемлемо, тем более, что во второй половине XV века оформляется Московское централизованное государство. На наш взгляд, правильнее было следовать общему понятию — русское средневековое население в Прикамье.

В первой главе автор обращается к древнерусскому компоненту в памятниках Нижнего Прикамья, прежде всего Волжской Болгарии. В первом параграфе главы исследователь рас-

* Здесь оппонентами не упомянут еще один регион — Среднее Прикамье.

крывает обширную источниковедческую и историографическую базу, посвященную взаимоотношениям Древней Руси и Волжской Болгарии. В последующих параграфах анализируются археологические памятники и различные категории археологических находок, связанные с пребыванием русского средневекового населения в Нижнем Прикамье. Однако в этой основательной главе следовало бы четче определить хронологические рамки вещественных комплексов средневековой Руси в домонгольский период Волжской Болгарии и золотоордынский, а то создается впечатление, что в послемонгольское время проникновения средневекового русского населения в этот регион не происходило, хотя автор отмечает что «в золотоордынский период, в основном в XIV в., приток древнерусского населения в Нижнее Прикамье не прекратился, а существенно возрос, причем не только за счет пленных, но и вольнопоселенцев-ремесленников» (С. 140). Последний тезис у нас также вызывает вопрос: каким образом по археологическому материалу можно отделить пленных рабов от вольнопоселенцев-ремесленников? Насколько нам известно, такой градации в письменных источниках нет. Если брать письменные известия о взаимоотношениях средневековой Руси с Казанским ханством во второй четверти XV — первой половине XVI века, то часто упоминаются русские полоняники и ставится вопрос об их выкупе. Да и сомнительно, чтобы из обескровленной монгольским нашествием Руси в Золотую Орду русские ремесленники уходили добровольно. Скорее наоборот, наблюдался чрезвычайный их недостаток, что хорошо фиксируется археологическими материалами северо-восточных русских земель (упадок ювелирного искусства, каменного зодчества, стеклоделия и т.д.).

Во второй главе автором проведен детальный анализ материалов археологических памятников загадочной для средневековой истории России Вятской земли, в исследованиях которых он принимал непосредственное участие, серьезно расширив источниковую базу по средневековой археологии этого региона. В этой главе скрупулезно рассмотрены все имеющиеся письменные источники, в числе которых оригинальная «Повесть о земле Вятской». В ней прекрасно представлены и четко систематизированы все на сегодняшний день имеющиеся материалы, касающиеся проникновения и обитания средневекового русского населения в Вятской земле. Конечно же, это право автора, опираясь на дату основания Хлынова по «Повести о земле Вятской», проецировать начало заселения бассейна р. Вятки с конца XII — начала XIII века. Однако это мнение нам представляется пока слабо документированным археологическими источниками, так как явных опорных домонгольских древнерусских комплексов в бассейне р. Вятки на сегодняшний день не обнаружено — нет славянских или славяно-финских курганных захоронений, о чем в свое время упоминал В.В. Седов, соответственно нет и древнерусской курганный посуды. Имеющиеся отдельные древнерусские находки, нижняя дата которых уходит в домонгольское время, в то же время существовали и в послемонгольский период. Если детально сопоставлять хорошо датированные средневековые русские предметы, найденные на Вятке, то наибольшее их количество падает на послемонгольское время — XIV век, которое и следует рассматривать как период массового освоения русским населением Вятского края. Об этом свидетельствуют и данные автора, который пишет: «отдельные типы (датирующих предметов) бытовали на раннем этапе колонизации — на протяжении XII — рубежа XIII—XIV вв.», — т.е. верхняя дата датирующих артефактов уходит в послемонгольское время, на что обычно при создании хронологических шкал следует опираться. У автора проявляется тенденция, которая свойственна всем археологам — увлекаться нижними датировками предметов, которые хорошо хронологически маркируются. Например, наиболее яркие культовые предметы (энколпионы, иконки) могли передаваться по наследству и использоваться в обрядовой христианской практике продолжительное время.

Привлекает внимание детальнейшая обработка керамических комплексов средневековой гончарной посуды Вятского края. Однако хронологические позиции выявленных типов керамики, бытование которых автор определяет в пределах XII—XV веков, вызывают вопросы. Исследователь не дает четких критериев, по которым можно определить типологическую

разницу между посудой домонгольского периода (XII—XIII века) и послемонгольского. Автор, следуя новгородской хронологии, забывает, что стратиграфически Новгород начинается изучаться только до начала XVI века, а верхние напластования позднего средневековья и нового времени практически не изучаются. Ввиду этого и создавалась хронологическая лакуна в изучении посуды XVI—XVIII веков, которая по аналогиям может квалифицироваться более ранним временем. В этом случае лучше использовать типологию средневековой Москвы, где тщательно изучаются напластования XVII—XVIII веков. Во всяком случае автором в главе не приведено ни одного случая нахождения закрытого хронологического комплекса с домонгольской посудой (могилы, кладовые и т.д.).

Исключительно интересны средневековые некрополи Вятской земли, которые автор связывает со средневековым русским этносом. Среди них Еманаевский могильник, погребальному обряду которого автор находит определенные аналогии в могильниках Новгородской земли X—XIII веков. Однако, на наш взгляд, переносить их хронологию на территорию Вятского края вряд ли обоснованно, так как система языческих традиций в некрополях смешанного славяно-финского или христианизированного финского населения региона на восточной окраине Русского государства была чрезвычайно консервативна и явно проявлялась в XIV—XVII веках. Безусловно, Еманаевский некрополь, судя по наличию довольно архаичной языческой обрядности, довольно ранний и, возможно, относится к XIV веку. Об этом, как справедливо отметил исследователь, свидетельствует отсутствие нательных крестов, которые со второй половины XIII — по XVI век в захоронениях не встречались. Отдельные находки в насыпи могильных ям имеют верхнюю дату в пределах XIV века, но они могли функционировать и в более позднее время. В целом очевидно, что небольшие группы средневекового славяно-финского населения проникали на территорию Вятского края в домонгольское время, но следует согласиться с В.В. Седовым, что эти инфильтрации «не внесли заметных изменений в этническую структуру местного финно-угорского населения».

В пятом параграфе главы детально освещены особенности средневековых русских находок бассейна р. Чепцы и верховьев р. Вятки, многие из которых, безусловно, относятся к домонгольскому древнерусскому времени. Судя по материалам, которые проанализировал автор, следует согласиться с ним, но только в качестве гипотезы «о древнерусском компоненте среди жителей» крупнейшего древнеудмуртского племенного центра Иднакар. Однако скорее всего это были торговцы, а не постоянные жители.

Для нас представляет исключительный интерес третья глава, посвященная археологическим памятникам древнерусского населения Верхнего Прикамья. В этой главе автор, используя материалы археологов и историков, изучавших средневековый период этого региона, очень внимательно и корректно проанализировал все доступные ему источники.

Автор справедливо отмечает, что о начале «массовой русской колонизации Верхнего Прикамья можно говорить лишь с XIV — начала XV в.». Нам представляется даже, что этот процесс, в отличие от Вятского края и Печоро-Вычегодского бассейна, оформился в первой половине XV века. Что касается ранних русских предметов как домонгольского, так и послемонгольского времени, они вряд ли свидетельствуют, что в области Верхней Камы были постоянные древнерусские поселенцы. Наличие древнерусских изделий (решетчатые подвески, крестовидные привески, нательные кресты с выемчатой эмалью), которые выявлены на родановских могильниках типа Елево, свидетельствует о том, что они использовались местным финским населением. Учитывая явный вещественный пласт западнофинских предметов в материалах Верхнего Прикамья, В.А. Оборин и А.Ф. Мельничук сделали предположение о том, что в среду предков коми населения проникали западнофинские и коми-зырянские этнические группы, с которыми и проникали древнерусские изделия. Древнерусское население могло проникать на территорию Верхнего Прикамья только в качестве торговцев или грабителей, типа ушкуйников, о чем свидетельствуют находки мечей каролингского типа (Гавриково, Чермоз).

Автор относит к древнерусским материалам антропоморфные фигурки божества в кольчуге, следуя мнению В.А. Оборина, который интерпретировал эти образы как изображение Перуна (Пянтег). Однако находка Г.А. Бординских на родановском поселении Нижнее Мошево в Соликамском районе, где был обнаружен птицевидный идол, в центре которого находилось изображение «Перуна», в настоящее время позволило атрибутировать эти культовые фигурки как образы Войпеля и согласится с мнением исследователей о местном прикамском их производстве.

Во втором параграфе главы автор рассматривает поселения Верхнего Прикамья со средневековыми древнерусскими комплексами. Трудно согласится с автором, что Анфаловский городок был первым русским городом края. Скорее всего это был какой-то кратковременный военный форпост или опорный военный пункт для продвижения русского населения в Пермь Великую, типа Лозьвинского городка в Зауралье. К сожалению, поиски локализации этого летописного поселения ни к чему не привели, как и попытка установить местоположение резиденции великопермских князей в городке Покча. Городскими поселениями в Перми Великой в XV веке, можно признать только Чердынь и относительно Соль Камскую, да и то только в начале XVI века. Трудно считать городским поселением Искор, который до колонизации Перми Великой русским населением был мощным общинным или даже межобщинным культовым центром. Недаром военное сопротивление рати Федора Пестрого местная элита коми населения оказала не у Чердыни, а у Искора.

Трудно согласится со взглядом автора на Верхнее Прикамье, как данническую территорию Новгорода в XI—XII веках. Скорее это более относится к территории бассейна р. Вычегды, являющейся ареалом исторической области Перми Старой, которая соотносится с обитанием народа «пермь» древнерусских летописей. Значительное древнерусское влияние в этом регионе более объективно документируется археологическими источниками, чем в Верхнем Прикамье и даже в Вятском крае.

Интересны взгляды на сложение в Верхнем Прикамье «пермской государственности со складывающимися вечевыми традициями». На наш взгляд, эти построения умозрительны и не доказуемы археологическими и историческими источниками. Аналогичное замечание касается и авторского рассуждения о сложении пермской государственности на территории Перми Старой.

В четвертой главе вызывает интерес параграф первый, посвященный древнерусским комплексам на средневековых поселениях бассейна р. Сылвы. Привлеченные источники, которые базируются практически на керамическом материале, встречаются в верхних отложениях средневековых памятников неволинской культуры в достаточно слабо стратифицированных позициях. Автор, характеризуя типологию этих керамических комплексов, пытается убедить в появлении в этом удаленном районе Восточной Европы русских переселенцев в золотоордынский период. Однако ни одного закрытого четкого датированного комплекса для столь обширной территории он не приводит. Древнерусские материалы Кишертского могильника и некрополя Селянино озеро связаны с агрессивными кочевниками, очевидно, ранними башкирами, которые могли получить эти предметы в ходе набегов на Волжскую Болгарию или на караваны купцов. Да и трудно представить, что земледельческое русское средневековое население могло выжить в окружении кочевников без таких опорных пунктов, которые появляются в Сыленско-Иренском поречье в XVII веке (Кишертский, Ленский, Ясылский, Кунгурский острожки).

Подобное удревнение гончарной русской керамической тары отмечается и на городище Ермаша (исследования В.П. Мокрушина), где комплекс посуды автором датирован в пределах XV—XVI веков. Однако раскопки городища показали, что керамический комплекс хорошо датируется монетой царя Михаила Федоровича. Учитывая, что на памятнике встречены железные наконечники стрел, подобные метательным орудиям, найденным на поселе-

нии Старый Кунгур, и следы почти целых, деформированных от пожара сосудов, русское поселение могло погибнуть в результате нападения башкир в XVII веке.

В целом А.Д. Макаров создал важный научный труд по средневековой истории Прикамья, который во многом заполняет значительные пробелы в историографии освоения русским населением обширных территорий окраины Восточной Европы, вошедших в состав формирующейся многонациональной России.

А.В. Шилов

Ответы диссертанта

Хочу поблагодарить всех, кто прислал свои отзывы и высказал поддержку. Позвольте ответить на замечания ведущей организации.

Выражаю глубокую благодарность коллегам из Пермского государственного университета, взявшим на себя труд ознакомиться и оценить мою работу. Отвечаю на поступившие замечания.

Первое относится к использованию термина «древнерусское население». Согласен с оппонентом, что в историографии принято использовать его применительно к домонгольскому периоду истории России. Однако в моей работе исследуется как ордынский, так и домонгольский период, в частности в Нижнем Прикамье, на Чепце, отчасти на Вятке. В этом случае применение данного понятия вполне уместно, и в работе даны необходимые комментарии на этот счет. Вторая причина использования данного термина — пестрый этнический состав выходцев из Древней Руси, который включал в себя, помимо славян, также поволжских и прибалтийских финнов. Попутно оговорюсь, что в таком же ключе понятие «древнерусское население» используют ведущие специалисты по древнерусской колонизации Е.А. Рябинин и Н.А. Макаров.

По вопросу об археологических признаках различения рабов от вольных ремесленников имеются наработки М.Д. Полубояриновой и Р.Г. Фахрутдинова. Они отмечали единичность русских находок и связывали этот факт с присутствием русских пленников ханства, которые практически не оставили материальных следов своего пребывания там, поскольку не имели почти никакой собственности в отличие от ремесленников.

Основные замечания ведущей организации связаны с проблемой хронологии в исследовании освоения отдельных районов Прикамья выходцами из Древней Руси.

По поводу более четких хронологических рамок комплексов домонгольского и золотоордынского периодов отмечу, что предметы материальной культуры существуют достаточно долгое время и далеко не всегда эта грань определяется, в том числе и в публикациях по Волжской Болгарии, где преобладают датировки, захватывающие оба периода.

Не могу согласиться с тем, что курганы являются одним из самых надежных признаков домонгольского времени. Положение В.В. Седова о курганах скорректировано археологическими изысканиями на территории Северной Руси: по данным Н.А. Макарова, курганы не возводились здесь и в домонгольский период.

Выражу также свое несогласие с мнением о якобы удревнении некоторых категорий находок. Предположение о передаче по наследству предметов культового литья пока не нашло убедительных доказательств. Находки же бесспорно домонгольских тельников и энколпионов известны на Никульчинском и Подчуршинском городищах.

О хронологии керамики можно говорить бесконечно. И естественно, я опирался не только на новгородскую шкалу, но и на другие разработки, в том числе московские. Примером закрытых комплексов является средний слой ямы «К» Никульчинского городища, где, помимо вещей, найдена и курганный керамика XII—XIII веков. Кроме того, бесспорно домонгольская посуда выявлена в древнейших ярусах Хлыновского кремля и на ряде пижемских селищ.

Коллеги ставят под вопрос хронологию Еманаевского могильника, считая, что последний датируется временем не ранее XIV века. Однако ими проигнорированы находки, имеющие верхнюю датировку не позднее XIII века.

Относительно сомнений в присутствии древнерусского населения на Иднакаре отмечу, что в пользу этого вывода говорит наличие древнерусской керамики в слоях XII—XIII веков, которая является надежным индикатором присутствия в местах ее обнаружения мигрантов с русских земель.

Одно из замечаний ведущей организации касается интерпретации древнерусских археологических материалов Верхней Камы, при этом отрицается наличие постоянного древнерусского населения в Перми Великой до XV века, но допускается появление русских людей в более ранний период исключительно в качестве торговцев и грабителей. Однако наличие керамики домонгольского облика в ряде поселений (Анюшкар, Роданово, Красная Горка) является веским аргументом в пользу появления здесь древнерусских поселенцев не позднее XIII века.

Вопрос относительно статуса Анфаловского городка и Искора остается пока спорным и будет, возможно, решен усилиями пермских археологов, но в любом случае необходима основательная дополнительная работа.

Не углубляясь в полемику о происхождении фигурок Перуна, которые коллеги считают местными, отмечу, что столь широкое их распространение было под силу скорее не родановцам, а новгородцам. Что касается изображения Перуна на птицевидном идоле, как символе Войпеля, то спорить о местном производстве этой находки нет смысла, но здесь, наоборот, можно увидеть влияние русского культа Перуна на местное языческое мировоззрение, о чем в свое время немало писал В.А. Оборин и некоторые другие авторы.

Заключительное замечание ведущей организации относится к вопросам политического статуса Верхнего Прикамья в системе русской государственности. По вопросу о даннической зависимости Верхнего Прикамья от Новгорода я ссылался на разработки пермских историков В.А. Оборина и Г.Н. Чагина и по-прежнему считаю их убедительными. В вопросе о пермской государственности со складывающимися вечевыми традициями я исходил из типологического сходства этой территории с Вятской землей и ее зависимости от Новгородской республики.

Сылавенские материалы и керамика Ермашинского городища, к сожалению, действительно не стратифицированы и датировались по аналогиям. Соглашусь с версией оппонента о запаздывании здесь архаических типов керамики.

С благодарностью принимаю развернутую в отзыве дискуссию по хронологии. Мною будут учтены пожелания о дальнейшей работе по ее аргументации.